

А.З. Цховребова

Россия и новые государства Кавказа

(политологический анализ проблемы)

А.З. Цховребова*

Проблемы признания и независимости новых кавказских государств занимают на сегодня важное место в российском политическом и научном дискурсе. И, судя по всему, еще долго будут предметом научных изысканий, экспертных оценок и политических баталий. Тем более, что вопросы дальнейшего социально-политического развития и перспектив независимости Южной Осетии и Абхазии оказывают прямое влияние на безопасность России и сопредельных государств, на этнополитические процессы на Юге России. Понятно, что многое зависит от дальнейшего развития международных процессов и позиции России в этом вопросе. Тем не менее, на сегодня, когда система российских военно-политических и экономических гарантий независимости Абхазии и Южной Осетии детально прописана в обширных двусторонних договорах, время не только говорить о различиях в национальных стратегиях этих государств (между задачами укрепления независимости Абхазии и задачами воссоединения разделенного народа Осетии. – *Авт.*), но и формулировать перечень фундаментальных задач их государственного строительства.

С точки зрения внешней политики это существенный успех и прорыв России, что же касается внутренней политики, то это вызов, на который, по мнению специалистов, еще предстоит ответить [1].

В этой связи возникает ряд важных вопросов: чем обусловлена различная политическая стратегия будущего развития двух новых государств, как отразятся новые отношения России с Абхазией и Южной Осетией, реализация их государственной политической стратегии развития на решении проблем, связанных с национальной и федеративной политикой РФ на Северном Кавказе?

На сегодня специалисты уже делают определенные выводы по прошедшим событиям и пытаются проанализировать и спрогнозировать наиболее вероятные пути развития Южной Осетии и Абхазии в среднесрочной перспективе, конфигурацию их взаимоотношений с окружающим социумом.

Так, уже со всей определенностью можно констатировать тот факт, что после событий августа 2008 г. и признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии взаимоотношения с двумя вновь признанными республиками приобрели характерные признаки и формат ассоциированных государств.¹

Одним из основных факторов, которые во многом предопределяют вероятный путь развития новых государств, их политическую стратегию, являются российские внутриполитические приоритеты на Северном Кавказе.

Следовательно, новые отношения с Абхазией и Южной Осетией, реализация их государственной политической стратегии развития отражаются и на решении проблем, связанных с внутренней геополитикой РФ на Северном Кавказе [2].

События последнего времени со всей очевидностью продемонстрировали значение Северо-Кавказского региона для Российской Федерации как стратегически важного, во многом определяющего состояние ее национальной безопасности. Северный Кавказ — самый сложный регион с точки зрения социально-экономической ситуации, государственного управления и обеспечения национальной безопасности России.

По этим проблемам накоплен солидный библиографический материал, специалистами ведется активный научный дискурс [3]. Нас же интересует то, как реализация национально-государственных стратегий развития Абхазии и Южной Осетии отразится на решении проблем

* А.З. Цховребова – аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

¹ Ассоциированное государство – это форма конфедерации объединившихся на двусторонней основе неравнозначных государств, при которой меньшее государство, формально сохраняя суверенитет и независимость, доверяет значимую часть своих властных полномочий большему государству (как правило, это внешняя политика, связь, транспорт, вооруженные силы и т.п.).

российского федерализма на Юге России.

Так, по мнению экспертов, прием Абхазии в состав России на правах субъекта федерации ставит ряд серьезных вопросов. Во-первых, если количество субъектов Российской Федерации и так чрезмерно велико, то насколько обосновано ее дальнейшее увеличение? Прием Абхазии в состав России в качестве части Краснодарского края, по-видимому, является неприемлемым вариантом для абхазской стороны (это подтверждает и ситуация с Адыгеей, о чем будет сказано ниже. – **Авт.**). Признание Россией независимости Абхазии, безусловно, соответствовало консенсусу адыго-черкесских народов России: не только собственно живущих в России абхазов, но и абазин, кабардинцев, адыгов, черкесов. 26 августа, несомненно, был днем всех черкесских народов России. Немаловажно и то, например, что признанная Абхазия стала одним из главных факторов сохранения самостоятельности такого «титульного» субъекта Российской Федерации, как Адыгея, в контексте проектов ее объединения с Краснодарским краем. Возможно и то, что активизация в конце 2008 года общественной дискуссии о судьбе кавказских «двусубъектных» республик-федераций (Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии) и идеи «Великой Черкесии» также стала возможной на фоне нового статуса Абхазии. Поэтому реализация адыго-черкесского единства народов России и независимой Абхазии требует создания внятного баланса между компетенциями двух государств, межрегиональных связей, не ставящих под сомнение ни субъектность Абхазии, ни целостность России.

Специалисты отмечают высокий уровень клановости власти в Абхазии. Федеральный центр слабо контролирует абхазскую внутреннюю политику. Прием в состав России еще одного плохо контролируемого субъекта ослабит влияние Москвы на Северном Кавказе в целом. Тот факт, что популярность России в Абхазии сейчас очень высока, не отменяет логики регионального прагматизма, которая объективно будет заставлять абхазскую элиту максимально отстаивать свою самостоятельность во внутренних делах. Учитывая экономический потенциал Абхазии, ресурсы для региональной фронды у Сухума будут. Кроме того, нынешний низкий уровень жизни в Абхазии является прежде всего проблемой Сухума. Россия уже планирует многомиллиардные дотации в Южную Осетию. Аналогичная помощь для Абхазии может стать для федерального центра непосильной нагрузкой [4].

Таким образом, в случае вступления Абхазии в состав России в качестве субъекта федерации проблемы федерализма на Северном Кавказе не только не уменьшатся, но, возможно, усугубятся. Учитывая отсутствие стремления Абхазии стать частью России, данный сценарий специалистами рассматривается как крайне маловероятный.

Другое дело – Южная Осетия. С одной стороны, она является средоточием большинства социально-экономических проблем Северного Кавказа. Но, с другой стороны, ожидаемый процесс объединения Южной и Северной Осетий может стать пилотным проектом укрупнения региона, теперь уже собственно на Северном Кавказе. Проектом, который, наверное, на сегодня является исключением, в смысле компромисса и баланса интересов федерального центра с северокавказской общественностью.²

Напомним, что в рамках укрупнения регионов предлагаются планы ликвидации государственности республик – субъектов Российской Федерации. Однако опыт показывает, что попытки внести такие изменения в федеративное устройство Российской Федерации чреваты трагическими последствиями для нашего государства. Примеры тому – упразднение Южно-Осетинской автономной области в Грузии и Нагорно-Карабахской автономной области в Азербайджане. Это привело к росту сепаратизма и межнациональным конфликтам.

Многонациональное российское государство с точки зрения управления требует большой осторожности, т.к. вопросы сохранения страны как единого непротиворечивого целого и национальной безопасности напрямую связаны с умением находить компромиссные решения в федеративных отношениях. Процесс «укрупнения регионов» в настоящее время ограничен рамками баланса интересов Российской Федерации и ее субъектов, а также принципами федерализма.

Действующая модель федеративных отношений в России включает в себя важную национальную компоненту, о гипертрофированности или устарелости которой говорить сейчас преждевременно. На сегодняшний день северокавказские республики и их границы легитимны и достаточно приемлемы. Изменение статусов и границ в регионе вместо улучшения системы управления и хозяйствования способно взорвать мир и относительную стабильность на Северном Кавказе [5]. Игнорирование этой компоненты ради сокращения формального числа субъектов Федерации могло бы обернуться серьезными дополнительными угрозами национальной целост-

² *Весьма популярной является и идея объединения северокавказских республик в две губернии — Ставропольскую и Краснодарскую или в Южный и Волжско-Прикаспийский федеральные округа. Так, на прошедшем в 2004 г. в Сочи Форуме народов Кавказа бывшим спецпредставителем президента РФ по правам человека в Чечне А. -Х. Султыговым была обнаружена идея создания на базе кавказских республик и Ставрополя Горской республики.*

ности и безопасности России как многонационального государства. Главное – это улучшение правления, а не административные переделы.

В свое время Москва разумно отказалась от планов включения Адыгеи в состав Краснодарского края из-за непредсказуемости политических последствий. Модернизация была принесена в жертву стабильности. Теперь, в качестве «осетинского проекта», Россия получила шанс для модернизации без угрозы разрушения стабильности, поскольку последняя уже давно разрушена Тбилиси. В процессе объединения двух Осетий обязательно возникнут административно-бюрократические, политико-экономические и психологические проблемы, такие же, как в случае объединения любых других субъектов федерации (конечно, с учетом специфики Северного Кавказа). Именно поэтому объединение двух Осетий – это идеальная площадка для практической отработки процесса укрупнения регионов. Соответствующий опыт будет незаменим при разработке и решении проблем и вопросов российского федерализма на Северном Кавказе.

В настоящее время главной задачей российской политики на Северном Кавказе эксперты отмечают модернизацию региона. Глобальный геополитический контекст создал для этого окно возможностей, которым необходимо воспользоваться. Традиционализм политических отношений в Южной Осетии и Абхазии будет постепенно размываться по мере усиления и доминирования российского фактора в области экономики и политики двух стран.

Важнейшей особенностью Северного Кавказа является низкий уровень жизни и вытекающая из этого социальная и межнациональная напряженность, этносепаратизм. По мнению российских экспертов, рассматривать влияние самоопределения Абхазии и Южной Осетии на ситуацию на российском Северном Кавказе в категориях этносепаратизма как главную угрозу для Кавказа

вряд ли представляется верным. И вовсе не потому, что в 90-е годы федеральная власть была слабой, а сейчас сильная. Дело в том, что этнический сепаратизм начала 90-х имел свои объяснения. Тогда доминировал абсолютно не религиозный дискурс, а этнический.

Нелегитимный распад СССР, одномоментное превращение формальных административных границ в государственные (в контексте их довольно произвольной кройки в советский период) предельно обострили проблему этнической и национально-государственной идентичности. Все союзные и бывшие автономные республики являлись по составу населения полиэтничными, поэтому распад большого советского социально-политического пространства, ослабление государственных и других социальных институтов, углубляющийся экономический кризис, не имеющих аналогов для условий мирной ситуации, подтолкнули этническую мобилизацию, формирование этнонационализмов, этнократических режимов [6]. Можно вспомнить осетино-ингушский конфликт, который не рассматривался в категориях религиозного противостояния. Этот конфликт описывался в этнических терминах. Но с конца 90-х ситуация стала меняться: этнический национализм, этнический сепаратизм стал уходить.

В заключении хотелось бы вспомнить замечательную фразу яркого американского политика, Д.Ф. Кеннеди, которая звучит примерно так: «По-китайски слово «кризис» состоит из двух иероглифов, один означает опасность, или угрозу, другой – благоприятную возможность» [7].

И в этом смысле дальнейшая политика Москвы в отношении Абхазии и Южной Осетии должна строиться не только по принципу «не навреди стабильности», но и по принципу использования открывшихся возможностей для развития региона, его модернизации и укрепления федеративных отношений.

Литература

1. **Казин Ф.А.** Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе // *Полис*, 2009. №1. С. 138.
2. **Габараев А.Ш.** Вопросы независимости Южной Осетии и Абхазии в российском политическом дискурсе // *Республика Южная Осетия: признание и перспективы: Докл. 1-ой межд. науч. практ. конф. 7–8 марта 2009 г. – Цхинвал*, 2009. С. 40
3. **Захарченко Ю.М.** Институт Федерализма в политических процессах на Северном Кавказе (конфликтологический анализ): Автореф. дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2006.; Кондратьев В.А. Политические процессы на Северном Кавказе в контексте российского федерализма: Автореф. дис. ...канд. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2005.

4. **Казин Ф.А.** Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе // *Полис*, 2009. №1. С. 139.
5. **Тишков В.А.** Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе // *Будущее российского федерализма: политический и этнический факторы: Докл. науч. конф. 25–26 февраля 2000 г. – Казань, 2000/* <http://federalmcart.ksu.ru/conference/konfer1/tishkov.htm>
6. **Черноус В.В.** Непризнанные государства Южного Кавказа: региональные версии глобального процесса // http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/uro/uro_29/uro_29_main.htm
7. **Грузино-осетинский конфликт: История и современность** / А. Плиев, Р. Джуссоев, М. Дзайнукова, М. Кулова, И. Санакоев. – М.: Алексей Яковлев, 2007. С. 149.

*